

Материалы к социопортрету читателя «Литературной учебы»

Как известно, журнал «Литературная учеба» возник и издавался под непосредственным руководством М. Горького при участии таких знаковых идеологов новой художественной культуры, как А.Д. Камегулов, Ю.Н. Либединский, Н.С. Тихонов, В.М. Саянов, М.Ф. Чумандрин. Это была попытка создать «фабрику литературы», которая производила бы прозаиков и поэтов, безусловно поддерживающих государственную доктрину. Целевой аудиторией журнала, как предполагалось, должна была стать полуобученная и полуграмотная масса молодых людей на территории всей советской России. Парадокс «Литературной учебы» заключался в том, что при полном провале планов дистанционного обучения писательству, которое позволило бы вырастить новое поколение социалистических писателей, сравнимых по масштабу творчества с классиками девятнадцатого века, журнал сыграл самую существенную роль в формировании и предварительном апробировании канона социалистического реализма, утвержденного Первым съездом советских писателей в 1934 г. Без всяких сомнений, он сыграл концептуальную роль и в уточнении планов, связанных с другим проектом М. Горького – Литературным институтом, где «очность» обучения и, главное, тщательность в отборе слушателей были выведены на первый план.

Журнал «Литературная учеба» стал одной из площадок, на которой оттачивались стратегии поведения и модели выживания в условиях института литературы, полностью подчиненного тоталитарной идеологии. На его страницах столкнулись самые противоречивые стихии и индивидуальности – от политизированных идеологов пролетарской литературы и, как это не покажется странным, до «безыдейных» формалистов. В общем история «Литературной учебы» позволяет показать, каким образом разные слои общества по их воле и против нее входили в подчинение некоему трудно определимому, но действенному тоталитарному канону.

Для советского литературоведения журнал оказался на периферии исследовательских интересов. Он явно терялся как на фоне просуществовавших недолго радикальных «Кузницы», «Лефа», «На посту», так и на фоне сбалансированных долгожителей, подобных «Новому миру», «Октябрю», «Звезде»... Однако «Литературная учеба» отразила многие неочевидные парадоксы этапа становления сталинской тоталитарной эстетики, которые открываются только теперь. В данном смысле опыт «Литературной учебы», безусловно, требует самого пристального внимания и

тщательного изучения.¹ Следует отметить и исключительность самого проекта «литературного инкубатора»: не будет преувеличением сказать, что аналогов ему в мировой истории найти крайне сложно. Предлагаемая публикация содержит несколько писем читателей журнала, адресованных М. Горькому и позволяющих судить о том, насколько социальный статус, жизненные притязания и реакция «учеников» соответствовала интенциям и представлениям «учителей».

Редакция «Литературной учебы» не имела собственного штата сотрудников, которые отвечали бы на письма читателей. Эта обязанность была делегирована отделу литературных консультантов Ленинградского отделения ГИЗ. Тем не менее отношение к корреспонденции такого рода как со стороны «Литературной учебы», так и со стороны ГИЗ, было самым серьезным. Ее разбор занимались не менее двадцати консультантов. После предварительного прочтения многие письма перепечатывались на машинке и передавались для обсуждения в редакцию журнала. Отвечая на письма, консультанты обычно вместо имени указывали свой порядковый номер, однако в некоторых случаях – когда завязывалась переписка – предполагалось и личное общение.

Структура читательского (исключая прямо связанные с подпиской) письма довольно типична. Оно обычно открывается панегирическим высказыванием в адрес конкретного лица или журнала в целом. Затем следует персональная история адресанта и затем просьба о помощи. Характер просьбы варьируется – от вопросов о том, как получить журнал и рекомендаций по поводу писательства, до советов, как жить. Почти вся сохранившаяся корреспонденция по меньшей мере лояльна режиму. Большинство текстов написаны энтузиастами нового строя. Между тем встречаются авторы, открыто признающие себя с врагами советской власти – с той оговоркой, правда, что, принимая номинально эту роль, они следуют в этом приговору представителей власти. Эпистолярный «Литературной учебы» содержит, таким образом, некоторое количество фрагментов, отсылающих к крайне популярному для своего времени жанру «идеологического покаяния».

Среди адресантов практически нет людей с высшим образованием. Большею частью в журнал пишут образованные крестьяне и рабочие. Иногда – служащие, с родословной крестьянина, рабочего или, реже, мещанина.

География обратных адресов довольно широка, и по ней можно проследить сферу распространения и влияния «Литературной учебы».

---

¹ Из немногочисленной литературы о журнале см., напр.: К 70-летию со дня выхода первого номера журнала «Литературная учеба»: Материалы по истории журнала // Литературная учеба. 2000. № 2; Дементьев А. Из истории «Литературной учебы»: Горький в борьбе за направление журнала // Литературная учеба. 1980, № 6; Максимова В.А. «Литературная учеба» // Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945. М., 1968.

Анализ подобного материала по меньшей мере позволяет составить представление о реальной и активной читательской аудитории журнала, а по большей – судить об общей атмосфере, сложившейся в России к тридцатым годам, имеющей отношение к «высокой» литературе и к «низовым» литературным практикам.

В архиве сохранилось более двухсот читательских писем. Для публикации в данной подборке отобраны те из них, которые обращены к М. Горькому. Сохранены, по возможности, особенности авторской орфографии и пунктуации (Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241).

1930

1

5.09.1930.

Подписчик Лит. Учебы № 9

Л/3544 Гапон

Адрес: Г. Гришино переул. Карл.-Маркса д. № 1й. Гапону

Тов. Горький!

Прошу сообщить мне, можно ли «набит руку» в писательском мастерстве переводя литературу иностранного языка на родной.

(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 1.)

2

Дорогому Пролетарскому учителю современной литературы М.Горькому, от начинающего писать литературным языком Д.В. Калинина.

М. Горькому.

Твой голос нежен как розы лепесток.
Твои глаза бриллиантами сияют
Огонь мысли твоей, пылающий Восторг
Всегда с тобой и не догорает.

Ты наш отец, культурник дорогой
Рожденный там, где разцвела свобода
И путь широк открытый пред тобой
Науки светлая, правдивая дорога.

Веди ты нас Максимыч, где ярче свет.
Пусть труден путь и требует терпения,
Где мы боротся будем много лет
Но все-же выполним начатые стремления.

Занимаюсь самообразованием, по выписанным мной книгам под Вашей редакцией и есть надежда, что я почерпну много полезного в продвижение глубже, для новых работ.

С приветом, – дорогой учитель!

27.12.30.

Адрес мой: Сев. Ров. Край. Город <Георгиевич>
<нрзб>, октябрьская, 35
Калинину Дмитрию Васильевичу
(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 2)

1931

3

<1931>

Т. Горький!²

В конце вашей статьи «Беседы о ремесле» – сказали «Трудовой мир дож<ил до> сознания необходимости революции. Задача литературы: восстающего – по<поддержки>. Чем энергичнее поддерживаете его, тем <скорее> окончательно <свалится п>адающий».

Сильно <нрзб> мне эти слова. <нрзб> потому, что я оказался «падающим» – сам – но все-же чувствую себя – «восстающим».

«Конечно... – я чувствую, и знаю – что это – две стороны противоположные друг другу и, в настоящее время – враждебны они один другому.

«И вот таким образом я, восемнадцатилетний парень-крестьянин, живущий в глухом углу Нижегородского края, – попал на сторону врагов. т.е. «падающих»; хотя я и не чувствую нисколько, что я – враг нашего советского социалистического строительства.

– Я <такой же> человек – как и все. <Родился> в 1913 году, в <деревне> <нрзб> р-на Нижегородского края – бывшей: (Юкшумской Волости Аранского уезда – Вятской губернии).

– В 7 лет я уже хорошо читал по букварю, а на 10-м году я пошел учиться в Сельскую школу. Сразу меня определили во вторую группу. В 3 года я окончил сельскую школу – дальше учиться мне, в школе Пй ступени не пришлось: потому что я остался в сельском хозяйстве.

– Книги я полюбил с тех пор – как только научился читать – и теперь – только книги воодушевляют меня в моем тягостном невинном положении.

---

² Текст письма частично испорчен. Датируется по цитируемым отрывкам из статьи М. Горького 1931 годом.

– Отец мой – человек образованный – умеет разбираться в жизненных вопросах.

– Дед мой – старый закаленный эгоист (помер нынче осенью), но он не сколько не влиял на моего отца – так как мой отец не родной ему сын – а примак ис чужой деревни ис трудовой многолюдной крестьянской семьи.

Был он на фронте «Германской войны».

Во время Революции, он сражался – на хозяйственном фронте.

В восстановительный период «НЭПА» он служил один год в «ВИКЕ».

Вновь за сельское хозяйство принялся только уже, отец мой тогда – когда дедушка мой не мог управляться один – по старости лет – по хозяйству.

Теперь еще покажу признак «падения»:

– В хозяйстве в нашем имелась ветродействующая мельница на один постав – которую построил мой дед – и передал в наследство моему отцу.

– Отец мой в 1927 году в октябре – еще решил соорудить один «постав» на ней – и не с целью личной наживы, а по требованию самого же населения.

Полученное зерно за размол – полностью сдавал в Кооперацию. Батраков и батрачек – в хозяйстве нашем – а также и на мельнице ни когда не держали – вообще дедушка мой – «работал по лешачин(?)» – как у нас говорится.

– И вот в 1929 году наше хозяйство обложили индивидуальным сельхозналогом – по признакам кулацкого хозяйства – из за второго постава на мельнице.

Мельницу отец сразу-же сдает в бесплатное пользование в местный «комитет взаимопомощи».

– В 1930 году опять вновь обложили индивидуально с/х налогом, опять за эту же мельницу, и помимо актива нашей бедноты, – которая говорила, что наше хозяйство не подлежит к индивидуальному обложению.

– Отец теперь работает на лесозаготовках – дом наш берут для ремонта школы, а мать мою с ребятишками гонят на все четыре стороны.

– Вот тов. Горький, какое положение нашей семьи.

– Теперь я хочу сказать вам кое что о себе:

Во первых: я человек молодой, желаю работать на пользу нашему социалистическому государству.

А во вторых: меня держит это тягостное для меня положение – «что я враг, сын кулака» – и хотя которое я совершенно не чувствую за собой.

– Может быть вы станете т. Горький судить обо мне как о враге – о «классовом враге» – который нужно ликвидировать как класс – на основе сплошной коллективизации.

– Вы может быть не поверите в правильность моего письма – но уверяю вас; что нет здесь ни одного фальшивого слова...

В деревне у нас организовался колхоз из 20-ти хозяйств, в который меня берут в члены его – отдельно от хозяйства моего отца – но на пути стоит преграда «Закон» – что кулаки не принимаются в колхоз.

Вот как теперь мне выходить из этого положения?

Я думаю что вы – Алексей Максимович Горький – посоветуете мне, – т.е. научите меня – как мне выйти из этого положения. – или же напишите мне по адресу – что ожидает в будущем, таких молодых «падающих» людей.

Я думаю не погубят таких людей «морально – а может быть лишать – только «материальности»?

– Я чувствую покуда совершенно себя здоровым, жизнерадостным, – желаю учиться – желаю работать.

Владимир Ильич Ленин говорил:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры – направленные против кулачества – значит нарушать самым грубым образом не только директивы советской власти и всю ее политику но и все основные принципы коммунизма».³

А вот наше-то хозяйство и является трудовым крестьянским хозяйством – которое несколько не выделяется из окружающей среды крестьянства каким-либо видом эксплуатации, или торговли и т.д.

Но хозяйство хозяйством – пусть берут все имущество но из последней избы построенной своими предками не должны выгнать. Я думаю так...

Ув. т. Горький!

Что теперь я должен делать. Неужели оставаться в таком тяжелом – для меня положении?

Посоветуйте мне дорогой товарищ, писатель.

Шлю пламенный социалистический привет – вам многоуважаемый борец, за всемирную новую культуру, и за новую жизнь, – Желаю успеха вам, и бодрости духа – редактору журнала «Литературная учеба» и всем молодым писателям и сотрудникам журнала – мой привет.

<подпись, нрзб>

(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 20 – 24)

4

Здравствуй дорогой А.М.!

Алексей Максимович разрешите вас поблагодарить за дорогую вашу посылку в 1928 г. – книг.

По моему личному запросу вы прислали литературы вашего производства, а именно:

1). Мать, 2). Исповедь, 3) Мои университеты 4) Мещане и несколько др. книг, которые я по несколько раз перечитываю.

А.М.! Ваши труды очень мне помогают при работе по фольклору.

Когда я по фольклору выводил образ рабочего прошлого века, то обращался к вашему труду «Мать», и прочтя образ отца Павла и требовалось это только подтвердить документами и других пояснений не требуется. Или

---

³ Цитата из резолюции VIII съезда РКП(б), 1919 г.

взять другой труд «Дело Артамоновых», где много можно найти фольклорного материала, который при изучении последнего дает яркую иллюстрацию положения и ваш самый ценный подарок, ваши труды я храню как зеницу ока.

И при работе по фольклору всегда А.М.! вспоминаю вас и ваш пройденный жизненный путь. Я такой же сын кр-нки беднячки, теперь уже учусь и кончаю вуз. Хочу специализироваться на фольклоре. Иной раз возьмет сомнение, выйдет ли толк? Раньше землю сохой ковырял, отец и мать неграмотные, а о дедушке и говорить не приходится. А по-раздумаешь да и верно, что мы только и сможем сдвинуть науку вперед. А это хотя с трудностями должны сделать. А.М.! Я с вашей легкой руки делаю робкие шаги в науку. Написал 2 работы:

1). Фольклор Тв. текстильной фабрики.

2). Блатной (воровской) фольклор и блатная музыка на фабрике и в деревне.

Работаю над изучением красноарм. фольклора своей деревни. И по всему материалу всегда беру за основу ваши труды. И выдираю, что нужно. Но ощущается недостаток в знаниях (теория). И плохо разработан. стилистика речи. Мой учитель – профессор, под руководством которого я работаю хочет поставить сой доклад о блатном фольклоре и музыке в Москве в фольклорной подсекции!

Дорогой А.М.! Плохо еще то, что труды по фольклору разбросаны по разным изданиям и нет возможности все их прочесть, да и трудно найти у нас в Твери. С этим делом справимся как-нибудь. И будем вперед продвигаться! Вы мне А.М. были стимулом и служите сейчас да и останетесь на всю жизнь.

А.М.! Вам может быть покажется мое письмо неуместным, но простите не могу не выразить своих эмоций. В вузе деремся во всю за теорию. Марксизм-ленинизм, борьба упорная. А.М.! Хочется мне приобрести ваше полное собрание сочинений, но не хватает средств. Живу на стипендии и на ней еще содержу мать. Здесь мне выдали премию за лучшую работу б-чку в том числе и «Дело Артамоновых» то-то было радости у меня.

С комсомольским приветом: (подпись)

28.03.31.

г. Тверь, Советская 20, кв. 15. Студент Гудков И.С.

(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 6 – 8)

Алексей Максимович!⁴

Зная, как внимательно и чутко относитесь вы ко всем, начинающим писать (я читая вашу книгу – «О писателях» – решил обратиться к вам, узнать ваше мнение обо мне.

Сейчас я пишу повесть, тема которой – т.н. «переходной возраст», в частности половая жизнь ребят. Тема эта хорошо знакома мне, во первых, по тем книгам, где освещается этот возраст, но главным образом – по обильным рассказам ребят, моих товарищей, которых я – различными путями – вызывал на откровения; да, наконец, знаю я тему эту и по собственным, совсем еще недавним, переживаниям. Конечно, то обстоятельство, что я очень хорошо знаком со всем этим – не единственная причина намерения писать эту повесть. Если бы я не думал, что она может принести какуюнибудь пользу – я конечно – оставил бы эту работу.

Но вопросы «переходного возраста» – животрепещущие, волнующие подростков, а потому их надо во что бы то ни стало осветить, но осветить не так, как «освещающий» их некоторые книги (в настоящее время такие книги, к счастью, почти перевелись), книги, которые смакуя, разбирают все это вызывая у читателя (гл. обр. у подростка) ненормальное пробуждение полового чувства. Вам, вероятно, известно то, что наделал «Санин» Арцыбашева: студентами составлялись «правила любви», которые фактически являлись открытыми призывами к разврату. О, я буду еще говорить в повести о вреде таких книг!

Я же хочу принести своей повестью пользу, пока что хоть небольшую пользу, разобрав спокойно пробуждение полового чувства у ребят, неправильности воспитания, и указав выходы хотя-бы из некоторых тупиков этого злополучного возраста. Я потребую от каждой своей написанной строчки – пользу. Недаром в одной из моих тетрадей есть такая заметка: «Прежде чем начинать писать чтонибудь, надо подумать – целесообразен-ли этот замысел, не нелеп-ли, неинтересен, стар, бесполезен и пр.».

Художественной литературы по этому вопросу – сравнительно немного. То есть – такой литературы, которая приносит какуюнибудь пользу. Книг, резко отрицательных, конечно немало. Из хороших-же книг, – наиболее действующая – роман П.Оленина – «Тайна Володи мальчика. Но для настоящего времени она сильно устарела, да ее и нет почти во всех библиотеках (мне пришлось выписать ее из основ. фонда Пуб. библ.).

Мне сейчас очень хочется, чтобы чтонибудь у меня было напечатано, веры в себя будет больше при дальнейшей работе (мною задуман также роман о будущем человека, который, – предчувствую – буду писать с большим удовольствием, и с большими затруднениями, чем эту повесть,

---

⁴ Датируется по информации на конверте.

которая заставила меня многое вспомнить и предчувствовать!) Я, конечно, не стал бы писать только из одного желания – <нрзб>, если-бы не чувствовал в себе койкакие способности; «ко мне судьба – ну, право же, не так была скупа – иногда вспоминаются мне слова Гёте. В особенности, когда попадаются на глаза такие строки (<нрзб>рдникова): «Пройдут года, столетий миллионы(!) – и многих из планет порвется жизни нить, но в космосе я, песней окрыленной живу – и вечно буду жить»(!). Ведь подобные по качеству стихи писал я четырнадцатилетний: «Люблю сидеть на дряхлом пне, дыша целебным запахом природы (тоже -!), мечтая о далекой, будущей весне, – когда взойдут иных переживаний всходы».

Пишу я уже 3-4 года. Сначала писал очень много – стихотворений, рассказов, повестей... Напишу, бывало, рассказ – и через несколько дней он уже не нравится мне. Я находил в нем слишком много ошибок, чтобы исправлять его. Но этих ошибок в дальнейшем я уже не повторял. – Все это говорило мне о том, что я иду вперед, – а это обстоятельство я считаю очень важным. Да и сейчас я не остановился, – и неизвестно когда остановлюсь. Это, конечно, меня очень радует.

В настоящее время у меня нет ничего целого, законченного. Поэтому я приведу здесь несколько заметок из записных книжек. По этим заметкам я попрошу вас определить – конечно – очень и очень приблизительно – способен я на чтонибудь – или нет! Мне все кажется – способен; в противном случае я, конечно, перестал бы марать бумагу и беспокоить вас.

1). Говорят, если человек талантлив, то это проглядывает в каждой его строке.

Из записных книжек:

1). ...чтобы прочитанное раньше толкало читать дальнейшее. 2) Делать так, чтобы отсутствовали схематические натяжки – ближе к жизни, чем к схеме. 3) При писании не совсем обычным языком – необходимо сделать так, чтобы текст книги не всплывал бы перед глазами; не ощущалась бы книга (пробовать дать прочесть все комунибудь и расспрос.) 4) В ответственных местах – точные и короткие фразы («Она ничего не знала. Ибрагим не нашел духу ей открыться». Пушкин) 5) Исправляя, начинать с крупного (персонажи, главы) и кончать мелким (отд. фразы, слова). 6) Писать так, чтобы язык не был мертвым, студенистым – обычный, с трафаретными оборотами. Но всегда он должен быть понятен. 7) Нужно, прежде всего, ясно сознавать цель проектируемого произведения. 8) Не изошряться – непонятно для читателя и не чувствуемо им: пусть луга пахнут не мятой или укропом, а ромашкой, или – лучше – сухим сеном. 9) только то писать, что сам видишь и чувствуешь.

Это – заметки общего характера – они вместе со множ. других, внесены мною в особую тетрадь.

Несколько заметок иного характера:

1) «... Заскоки молодости. Смеемся над малограмотными (письмо читает и смеемся: «Вот дураки то! Вечно у них: «желаю быть здоровым», да

«кланяйтесь»! А сам ни черта не понимает. Ни уважения к родителям, ничего хорошего. Живет паразитом». 2) Рассказы не забыть: Кам-го А-сея и Ал-дра Б. и др. 3) Поехав в деревню, подробнее расспрашивать ребят об их пол. жизни, проявлениях ее. 4) Один в классе – парень усатый, чудак, нарочно сказал на уроке биологии не «адамово яблоко», а «адамово яйцо». 5) Все его мысли вертятся вокруг полового. Пристрастился, поэтому, в <нрзб> ходить, в эрмитаж –смотреть некоторые картины. 6) У Риббинга он прочитал: «Отделаешься от привычки, так быстро и так тесно сплетающейся с каждой нитью человеческого организма до того трудно, что юноше впервые вступившему на путь порока (онан-ма) можно было бы сказать? «Ты пошел по пути, на котором нет возврата» – стр. 50, низ. – Прочитал – и ужаснулся. В самом деле – сколько ни «бросал» бы – ни черта не выходило. Больше – две недели пройдет – и опять. 7) Помню, как купил я на рынке книгу «... рассказывал он Букинист: назвал его, 15 летнего, гражданином («Вы знаете, гражданин, какую вы книгу выбрали? – Это-же научная книга». Результат: содрал с него вместо помеченных на обложке 20 коп. -1 руб. 8) Его представление, как он будет иметь сношение: задрожит весь, вспотеет, испугается. Подробно развить это его представление. Так думает онанист. 9) Все это (грязные рассказы, поэма) писал тихенький с виду «мальчик», которого учителя всегда ставили в пример.

Подобных заметок у меня накопилось порядочно, и я их классифицирую и уже принялся за обрабатывание их.

Пишите откровенно. Я выслушаю спокойно и со вниманием любое ваше определение моих способностей.

Мною прочитано довольно много книг по литературе. И вот к каким выводам я пришел. Во первых, обязательно нужно быть самим собой. Вам это, я думаю, понятно. Второе – нужно быть откровенным. Третье – стараться мыслить безо всякого налета меланхолии, пессимизма – и прочих болезней мысли. От несчастий – произведениях не хныкать, не метаться, а постараться возможно спокойнее смотреть на него. О, третье и четвертое мне приходилось проводить в свою жизнь, не раз! Об этом – будет в повестях.

Я хотел бы одного: чтобы вы, опытными глазами (я говорю здесь без лести) все во мне поняли – без преувеличений и преуменьшений – и дали бы мне несколько советов и соответствующую оценку. А то моя оценка себя самого подчас становится сомнительной – вы, кажется, тоже испытывали такие сомнения.

Порой мне кажется, что я малообразован, ничего особенного, интересного из себя не представляю; но когда вспоминаю свой возраст (мне нет еще 18-ти лет) и своих товарищей – то все это отпадает невольно.

Я очень прошу вас – выскажете свое мнение обо мне. Конечно, это письмо немного вам скажет, но все же!

Мой адрес: Лнгр., Васильевский остр., 6-я линия, дом 15 кв.1. Михаил Ершов.

Я знаю, что у вас и без меня дела много. – И все же, почему-то решил написать вам. Извините за беспокойство, Алексей Максимович.

М.б. – До свидания.

М. Ершов

20 мая 1931 г. Лнгр.

Письмо написано – и я ясно вижу, что почти ничего не сказал им. Ничего <нрзб> – из моих замыслов – лишь отдельные, мало говорящие знаки. Но о моих литературных симпатиях, и о фактах моей жизни. Ничего. М все-же – посылаю вам это письмо. Чтобы чувствовать, что я не оторван от всех; не искатель бесплодный, не пустой маратель бумаги. Какой я задумал писать роман о будущем. Буду писать его года три. Все <нрзб> мой будет там место. Перечту для этого массу книг во время <нрзб> июле месяце.

(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 10 – 13)

6

Уважаемый т.Горький!⁵

Простите, что к тысячи получаемым вами письмам со всех концов Союза, я добавляю свое посланье и осмеливаюсь обратиться к вам с убедительной просьбой. Слыша от многих о вашем чутком отношении к начинающим писателям из рабочей молодежи, я расхрабрившись обращаюсь к вам за так мне необходимой критикой и вашими ценными указаниями. В течении 1 ½ лет я между урывками свободного времени остававшимися у меня от работы на производстве и общественными нагрузками, написал роман «Лицо врага» лишь потому, что чувствовал к этому неодолимую потребность ставшую впоследствии для меня чем-то вроде духовной кабалы. Часто разочаровываясь и будучи неудовлетворенным я уничтожал все написанное с большим для меня трудом, и с какой-то необъяснимой радостью писал с новым упорством добровольно отнимая от себя почти все часы отдыха. Если вас не очень затруднит моя просьба не вызовет вполне естественной мысли «... И откуда это, так много, этих пишущих мне начинающих авторов» то я буду счастлив дать вам для просмотра свою рукопись, что бы иметь представление о результате своих робких попыток отхода от станка к сложному мастерству именуемому литературой. Еще раз прошу у вас извинения за это письмо и с нетерпением жду ответа.

Искренне ценящий ваш талант, рабочий ударник М.Гагарский (Работаю беловым накладчиком в машинном цеху типографии «Коминтерн» Центрриздата).

---

⁵ В углу помета: «В “Резец”». Датируется по информации на конверте.

Мой адрес: Здесь «14» 3-я Советская ул. 16, кв. 12.
Михаилу Васильевичу Гагарскому
(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 3 – 4)

7

Алексей Максимович!⁶

Я тысячу раз начинал Вам писать письмо и тысячу раз бросал. О чем бы тогда я Вам написал, кроме жалоб на людей, общественность, жизнь? Мне не хотелось жаловаться ибо в этом отношении <уже> много было гениальных людей.

Теперь мне <не> на что жаловаться и я пишу!

Я из крестьян Башкирской республики. Невероятными усилиями я добился от отца разрешения на учебу в школе II ступени. Я жадно начал впитывать в себя жизнь провинциального городиш<ка> 25 и 26 года. Учитель литературы научил любить Есенина. Хороший поэт и я увлекся им через меру и навредил себе. Скоро спохватился, взялся за другие книги. В них узнал идеал жизни. Начал жить по книгам, бороться за идеал жизни. Но действительность не походила на идеал. И вот я, маленький мальчишка, год тому назад пришедший из деревни, возомнил, что я могу переделывать жизнь. Я продолжал жить по книгам и начал бороться за то чтобы действительность переделывать, приближать к идеалу. Комсомол. Я очень хорошо знаю, каким он должен быть, речь Ленина молодежи была моей программой. Но комсомол <мелеузский> не был комсомолом. Я вступил в их ряды, что бы бороться за настоящий Ленинский комсомол. И нисколько не наладил. В школе получилось тоже самое. Начал бороться. Нашел сторонников. Они оказались плохими. Методы борьбы еще хуже: организовали подпольную группу. Сделали одно заседание. Через неделю увидели, что ничего не выходит – разошлись. Начали бороться открыто. Многих обозлили. Начали искать причину для какого-нибудь обвинения. Нашли наш протокол. И вот уже закрывшихся – нас открыли как контрреволюционеров. Исключили. Пошли комиссии, обследования. Выводы: атмосфера в школе была нездоровая, руководство тоже, ученики пошли не по тому пути. Головку сняли, нас после большой <нотации> приняли. Прислали нового, хорошего обществоведа. За работу взялись как следует. Одному<sic> литературу читать надоело. Организовали литературный кружок. Начали издавать рукописный журнал «Начала». Год работал, учился хорошо. На второй год обществоведа взяли на работу в Райком. Прислали нового. Он оказался не пропагандистом, а диктатором мысли. Это ребятам не понравилось. Снова началась борьба. Мы боролись открыто. Заслужили ненависть но всетаки продолжали бороться. А группа

---

⁶ Датируется по информации на конверте.

ребят, забыв наши ошибки снова организовали подпольную группу. Вредили в школьном расштабе. У случайно о них узнал. Думал: рассказать, или не нужно. Наконец решил, нужно сообщить в ГПУ. Пошел и все рассказал. Посоветовали узнать больше. Я начал расследовать. Но организацию открыли другие люди с другого конца. Меня увидели вместе с ними и старой привычке причислили к ним. А когда я начал объяснять с какой целью у них был – меня обвинили в провокаторстве, что я не открывал организацию, а помогал ей работать. Исключили из школы, возвели в квалифицированные контрреволюционеры. Мне было тяжело, ибо до конца это не справедливо. Не удостоверение об окончании школы мне жалко было, а то что я выкинут был из жизни. За что <нрзб> виноват. Поручение ГПУ я выполнил неправильно. Вместо дезорганизации их работы, я принялся их подучать. Этим создал впечатление совместной работы. После исключения заболел и психологически и физически. Были припадки, которые врачи не признали. Я мучался своим положением. В деревне я не находил себе место. Мне хотелось вести общественную работу – местные власти мне не доверяли. Хотел драться за коллективизацию – смотрели как на маневр классового врага. Хотелось написать Вам, мучительно хотелось, но не хотелось жаловаться. Бросил деревню. Поехал туда, откуда был выгнан – в Мелеуз. Начал работу чернорабочим в Союзхлебе. Зарабатывал по 1р 54к в день. Хотелось уехать на какую-нибудь [работу] стройку, но я не знал найду ли я там себе место, примут ли меня «такого».

Вдруг слышу что приехали вербовать из Магнитостроя. Загорелся желанием увидеть Магнитострой, узнать стройку, самому приняться за стройку. Там машины, люди, у которых есть чему научиться. Там есть литературная организация. Я перестану литературничать и по настоящему включусь в литературу, жизнь. В статье по поводу одной легенды Вы писали:

«В стране советов люди, которые хотят работать и понимают высокую цель труда, в Союзе социалистических советов эти люди чем бы они не были в прошлом, пользуются серьезным вниманием и заботами рабоче-крестьянской советской власти».

В Мелеузе эти слова не оправдывались, а здесь оправдались. Верно, Горький <нрзб>. Мне хотелось это услышать на деле. Твердо решил ехать. Даешь Магнитострой! Завербовался на 6 месяцев. Теперь уж месяц как живу на Магнитострое. И вот решил Вам написать письмо, потому что теперь чувствовал свои не <измерить> во вторых много вопросов, которые один никак не разрешишь.

Поступил здесь чернорабочим на Бетонстрой. Хотелось на Домны, но привезли нас на <нрзб>. Попали в самую худшую бригаду. Мы, вместе приехавшие <нрзб>, взялись за работу по настоящему. Примером подняли дисциплину. В результате на июнь план выполнили на 112%. Правда, много еще лодырей, прогульщиков, тех, которым еще <нрзб>. Но с ними есть желание борьбы...

Днем работа, вечером собрания, «ликбез», драм. кружки, библиотека, театр и самое главное – литгруппа <нрзб>. Здесь снова я нашел жизнь, работу, свое место в жизни. Здесь снова я <знаю>, что я человек, ибо – нужен стройке социализма. Здесь я раньше <наисентементальнейший> дурак, – скоро разучусь грустить.

Алексей Максимович, Я снова работаю, <строю> полезное, думаю, мучаюсь над вопросами – значит я человек, значит я снова нашел жизнь!

Но сейчас передо мной стоит один вопрос, который я никак не разрешу:
– Кем, как работать???

Основная моя специальность – литератор, орудие труда – пера. Против этого меня теперь ничем не разубедить. Может быть у меня нет таланта художника, может быть я плохо владею языком. Но литературу я не брошу. Я еще молод, нигде не печатался. Там, в прошлом я написал пьесу «Пути-дорожки». Тема: отношения поколений, пути-дорожки человека. Посылал в литературную консультацию ФОСП. Ответили, что тема, мысли верны, но выражены грубо, не художественно. В пьесе говорится о борьбе, но нет действия.

Как же работать теперь?

1) Продолжать работать чернорабочим?

Чернорабочим я совершенно не вижу производства, жизни. Нет времени для литературной работы, маленькая зарплата, е<л>е удовлетворяющая минимум потребности человека. Нужно <ли> это продолжать? Бросить?

2) На какую работу, на те работу, от которой убежал. О ней мне не думалось <нрзб> Правда можно бы поступить на такую работу, на которой я видел-бы людей, страну, жизнь. Например, в редакции. Но где, как найти такую работу?

3) Приобрести какую-нибудь специальность для работы на производстве. Это на Магнитострое сделать легко. Это из двух работ самая лучшая. Я хорошо буду знать производство, людей. Я со всеми буду бороться за темны. Производство оздоровит <нрзб>

Но... я плохо буду видеть весь Магнитрострой, а это мне необходимо. Потом, неужели 9 лет учебы, бессонные ночи, голодные дни, – пропали напрасно? Разве профессии сборщика я не смог бы преобрести без 9 летки? Рабочие стремятся в рабфаки, техникумы, вузы, а я ведь бегу от них? Разве это не будет шаг назад.

Я мучаюсь сейчас над этими вопросами, у меня сейчас маленькая зарплата, плохая пища, нет одежды, нет женщин, которых я хочу. Я ведь мне 21 год скоро будет. Но боюсь я не трудностей! Нет. Я относительно пережил много трудностей. Но если это нужно, целесообразно для общества для себя, я переживу еще больше. И еще меня тревожит вот что. Я средняк, с ошибками в прошлом. И многое на мое вращание в класс будут смотреть как на механическое приспособление к пролетариату, пролазавиние, приобретение рабочего стажа. А мне не хочется, чтобы меня не понимали. Я

не приспособляться хочу, а найти правильный путь. Их много. И у каждого светлые и темные стороны. Вас я люблю с тех пор как узнал о Вас по первым рассказам и лучшим признанием служит это письмо. Эти вопросы. Письмо это не случайно, – оно результат 8 летней работы над Вашими книгами, результат 20-летней жизни...

Вот вывернул себя перед Вами и легче стало, свободней.

Это исповедь человека, вновь обретающего жизнь, обретающего с вопросами, которых не может разрешить. Которой мучается ища их решения. Не художественна она потому что писана отрывками между делом, в палатке, где не умолкаем шум.

Еще один вопрос, который будет звучать послесловием:

Нужно ли мне обрабатывать свои Дневники, отражающие жизнь школы для издания?

Я буду жить ожиданием Вашего ответа, хоть коротенького.

С лит-приветом от Астафьева.

Адрес: С.С.С.Р. Уральская область, г. Магнитогорск. Главная почта. Абонементный ящик № 70.

(Ф. 453, оп. 1, ед.хр 241. Л. 14 – 18)